

*Д.П. Потапов***Преступления экстремистской направленности:
проблемы законодательного закрепления***D.P. Potapov***Extremist Crimes: Problems of Legislative Consolidation**

Статья посвящена некоторым проблемам законодательного определения преступлений экстремистской направленности. Основным и обязательным признаком данной группы преступлений является наличие особого мотива – вражды или ненависти к иным лицам. В работе с позиции экстремистской мотивации анализируются ныне существующие редакции ст. 213 и 282.1 УК РФ.

Ключевые слова: экстремизм, преступления экстремистской направленности, хулиганство, организация экстремистского сообщества.

Переход России на путь демократического развития, к сожалению, принес не только положительные тенденции. Одним из самых негативных проявлений на сегодняшний день можно назвать экстремизм. Государство предприняло определенные попытки борьбы с данным явлением. Это противодействие в целом носит комплексный характер, охватывая различные аспекты этой борьбы, в том числе экономические, социальные, организационные. Не последнее место в решении проблемы с экстремизмом имеет ее правовое обеспечение, основы которого определил Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. №114-ФЗ в редакции от 27 июля 2006 г. №148-ФЗ. Исходя из его содержания были затем внесены соответствующие изменения в иные нормативные акты, в том числе и в Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ).

Однако нам представляется, что, безусловно, признавая необходимость оперативного реагирования на возникающие проблемы, внесенные изменения в УК РФ носят характер поспешности, что привело к возникновению спорных вопросов в теории, логичным продолжением которых являются проблемы квалификации данной группы преступлений на практике.

Перечень возникающих проблем достаточно обширен, поэтому, исходя из объема данной работы, мы остановимся лишь на некоторых.

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» не дает общего понятия экстремизма, а содержит лишь перечисление действий, подпадающих, по мнению законодателя,

The article is devoted to some problems of the legislative definition of extremist crimes. The basic and obligatory feature of these crimes is a special motive of enmity or hatred to the other persons. The author of this paper analyzes from the position of extremist motivation the current version of articles 213 and 282.1 in the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: extremism, extremist crime, hooliganism, organization of extremist community.

под экстремизм. К ним отнесены различные общественно опасные деяния, многое из перечисленного ниже является самостоятельными преступлениями, предусмотренными в уголовном законе, в нескольких его разделах и главах (создание незаконных вооруженных формирований, осуществление террористической деятельности либо публичное оправдание терроризма, осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма, воспрепятствование законной деятельности органов государственной власти, избирательных комиссий, а также законной деятельности должностных лиц указанных органов, комиссий, соединенное с насилием или угрозой его применения, публичная клевета, применение насилия в отношении представителя государственной власти либо угроза применения насилия в отношении представителя государственной власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей, нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда здоровью и имуществу граждан).

Несмотря на то, что указанные деяния хотя и относятся к различным главам УК РФ и, соответственно, посягают на различные объекты уголовно-правовой охраны, их объединяющим показателем является наличие единого для всех признака субъективной стороны – мотива поведения лица, в данном случае ненависти или вражды по отношению к иной (социальной, национальной, расовой, религиозной и т.п.) группе людей. Поэтому нам представляется верным утверждение авторов о том, что для данной группы составов

мотив ненависти и вражды является обязательным [1, с. 33; 2, с. 140]. И поэтому именно он может служить основанием отнесения какого-либо общественно опасного деяния к группе экстремистских преступлений независимо от объективных показателей (объекта и объективной стороны) совершаемого посягательства. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в отличие от традиционного разграничения преступлений по признакам объекта в данном случае присутствует разграничение по субъективному признаку, мотиву совершенного преступления.

Законодатель на такой же основе дает определение экстремистских деяний. В соответствии с п. 2 примечания к ст. 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества» «под преступлениями экстремистской направленности понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы». На сегодняшний день перечень этих деяний достаточно широк.

При этом можно предложить несколько оснований их классификации. Первым основанием может выступать уголовно-правовое значение экстремистского мотива, который является или квалифицирующим признаком отдельных составов преступлений, или обстоятельством, отягчающим наказание [3, с. 113]. Другим основанием классификации можно признать порядок закрепления экстремистского преступления в законе. Условно можно выделить три группы. Во-первых, это деяния, указанные в главе 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», с изначальным указанием на их экстремистскую мотивацию как конститутивный признак (ст. 280, 282.1, 282.2 УК РФ); во-вторых, это преступления, названные в качестве экстремистских в соответствующем законе [4] (например ст. 277, 318, 136 УК РФ и т.д.); в-третьих, это посягательства, в которых экстремистская направленность выступает в качестве квалифицирующего признака (например соответствующие части ст. 105, 111, 213 УК РФ и т.д.).

Анализ вышеназванных составов позволяет указать, что в первой и во второй группах деяний законодатель прямо не называет наличие соответствующего мотива в качестве обязательного признака составов этих преступлений. Именно примечание к ст. 282.1 УК РФ и должно исполнить эту роль объединяющего начала. И лишь в третьей группе деяний экстремистская мотивация выступает обязательным признаком, значительно повышающим, по мнению законодателя, общественную опасность данных посягательств, придав ей квалифицирующее значение.

Одним из таких преступлений является деяние, предусмотренное ст. 213 УК РФ «Хулиганство». Ныне действующая редакция данной статьи, на наш взгляд,

по сути содержит два независимых, значительно различающихся и по объективным, и по субъективным признакам состава преступления, лишь по недоразумению оказавшихся в одной статье.

В юридической литературе и в судебной практике достаточно давно и прочно сложилось мнение, что хулиганство как преступление при всей его схожести с иными деяниями обладает специфичной, присущей только ему совокупностью признаков. Так, Н.И. Коржанский указывал, что «**центральным, основным** признаком состава преступления, предусмотренного ст. 206 УК (РСФСР), является его **мотив** – хулиганские побуждения» (выделено Н.И. Коржанским. – *прим. Д.П.*). Далее он отмечает, что хулиганский мотив есть стремление к самоутверждению, самовыражению личности человека невоспитанного, с низкой культурой, необузданным эгоизмом [5, с. 7]. Вторым показателем, позволяющим отграничить хулиганство от иных составов, является несущественность повода совершения преступления, «как явно неадекватная реакция на поведение потерпевшего или других лиц в силу необоснованности претензий к ним» [5, с. 12].

Экстремистская же мотивация, несмотря на негативное содержание, представляет собой сформировавшуюся идеологию лица, определенную систему ценностей, пусть и не очень удачный, но «плод размышлений» субъекта. Логика хулиганского мотива заключается в формуле «не свой», т.е. любой человек, не принадлежащий к «нашей группе», может быть объектом воздействия. По логике же экстремизма «чужой» (потерпевший) выбирается по какому-то признаку – не все подряд, а принадлежащий «к иной, чем наша, группе». Именно поэтому законодатель, определяя его, указывает «на вражду» и «ненависть», хотя в данном случае и возникает некоторая сложность с их разграничением. В соответствии со словарем русского языка содержание этих понятий перекликается. Так, «ненависть» – чувство сильной **вражды** и отвращения [6, с. 358], а «вражда» – отношения и действия, проникнутые неприязнью, **ненавистью** [6, с. 92] (выделено нами. – *Д.П.*).

Следовательно, в соответствии со своим значением эти термины обозначают одно и то же, – некую непримиримость, неприязнь между людьми, сообществами людей, государствами. Но эта непримиримость возникает на основании восприятия субъектом каких-либо обстоятельств, она формируется, исходя из реалий сегодняшнего дня, можно утверждать, что она привносится зачастую извне. У субъекта, прежде чем он начал совершать какие-либо общественно опасные действия, экстремистский мотив уже сформировался, в отличие от хулиганского, которому присуща спонтанность, внезапность возникновения.

Вышеизложенное позволяет сделать нам вывод о том, что содержания хулиганского и экстремистского мотивов не совпадают. Экстремистские побуждения

более конкретны. Можно отметить, что такого же мнения придерживается и законодатель. Так, в преступлениях против личности хулиганский и экстремистский мотивы разведены по разным квалифицирующим признакам, например, в ч. 2 ст. 105 УК РФ это соответственно п. «и» и «л».

Кроме того, происходит несовпадение и по объективным признакам. Так, исходя из буквального толкования, можно сделать вывод, что п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ в качестве обязательного признака объективной стороны состава преступления – способа совершения преступления предусматривает применение оружия или предметов в качестве оружия. При этом многие авторы именно по данному признаку и предполагают проводить отграничение уголовно наказуемого хулиганства от мелкого хулиганства, являющегося административным правонарушением, указывая на него как на четкий и ясный критерий (см., например: [7, с. 395]). С подобным утверждением, как нам представляется, необходимо согласиться. Остальные объективные признаки, указанные в преамбуле ст. 213 УК РФ, носят оценочный характер. В п. «б» ч. 1 этой же статьи такого признака не содержится и определяется как действие, нарушающее общественный порядок, совершенное по экстремистскому мотиву.

Подобное несовпадение как субъективных, так и объективных признаков позволяет нам предложить законодателю разделить эти деяния в УК РФ. В одном случае это «классическое хулиганство», т.е. вернуться к первоначальной редакции ст. 213 УК РФ, второй же вариант может быть реализован путем включения квалифицирующего признака в виде особого мотива в соответствующие статьи Уголовного кодекса, что законодатель уже пределал с хулиганским мотивом.

Второй проблемой, на которую мы хотели бы указать в данной работе, являются содержание и возможность ответственности за деяние, предусмотренное ст. 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества».

Статья была внесена в соответствии с Федеральным законом от 25 июля 2002 г. №112-ФЗ [8] в УК РФ, основанием введения данного состава было усиление борьбы с экстремистской деятельностью.

Создание этой статьи, на первый взгляд, позволило перенести применение уголовно-правовых мер воздействия на стадию приготовления преступлений подобной направленности.

Объективная сторона данного состава сформулирована по уже отработанной нашим законодателем схеме привлечения к ответственности за организационную деятельность в преступных сообществах. На сегодняшний день так же построена и ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)».

В законе прямо указывается, что экстремистское сообщество есть «организованная группа лиц

для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности». Можно сделать первоначальный вывод, что его содержание должно соотноситься с признаками, указанными в ст. 35 УК РФ, определяющей формы соучастия. Однако, на наш взгляд, в редакции ст. 282.1 УК РФ заложено противоречие, в силу чего отсутствует возможность однозначного отнесения данного вида сообщества к определенной форме соучастия.

С одной стороны, законодатель указывает на наличие преступного сообщества как более высокой формы соучастия. Кроме того, прямо указывается один из основных признаков преступного сообщества – структурированность. Но, с другой стороны, в экстремистском сообществе стремление к получению прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды не является обязательным, а это также один из основных признаков общего понятия преступного сообщества. Кроме того, законодатель в ст. 282.1 УК РФ не указывает на категории подготавливаемых преступлений, для преступного же сообщества обязательным показателем является приготовление лишь тяжких и особо тяжких преступлений. И еще один момент: законодатель отнес ст. 282.1 УК РФ к преступлениям средней тяжести (максимальный размер наказания по ч. 1 – до четырех лет лишения свободы) [8], в отличие от упомянутой нами ст. 210 УК РФ, которая определена к особо тяжким. Все это позволяет отнести «экстремистское сообщество» к соучастию в форме «организованных групп», а не к преступным сообществам.

Под созданием данного вида сообщества понимается организаторская деятельность по его возникновению, к таким действиям можно отнести подбор соучастников, разработку планов, структуры и т.п. [7, с. 566]. Руководством признается управленческая деятельность, включающая обеспечение непосредственного функционирования сообщества, к ней можно отнести определение основных направлений деятельности, финансовое и материальное обеспечение, взаимодействие структурных подразделений (в соответствии с [9]). И третья форма – создание объединения организаторов, руководителей – предполагает функционирование некоего совещательного органа, предназначенного для разработки перспективного планирования и условий для совершения преступлений экстремистской направленности.

Данный состав сформулирован как формальный, и ответственность может наступить лишь в случае фактического совершения указанных в статье действий по созданию и руководству. Но при этом ответственность за создание может наступить лишь в случае рассмотрения его как завершенного процесса, т.е. уже при существовании преступного сообщества, не говоря уже о руководстве или создании некоего дополнительного совета этого сообщества.

К подобному выводу нас приводит разъяснение, данное Постановлением Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)», где п. 4 прямо указывает, «что уголовная ответственность за создание преступного сообщества ... наступает с момента фактического образования указанного преступного сообщества» [10]. Вся же предыдущая деятельность, таким образом, носит подготовительный характер, т.е. является приготовлением к совершению преступления.

При данных обстоятельствах можно утверждать, что ст. 282.1 УК РФ не несет предупредительного воздействия, так как отнесена к категории средней тяжести, и, соответственно, за приготовление подобного преступления к уголовной ответственности привлечь нельзя.

Для решения данной проблемы, на наш взгляд, можно предложить законодателю другой путь.

Как мы уже указали, в содержании статьи присутствует терминологическое противоречие: во-первых, смешиваются две различные формы соучастия, а, во-вторых, не все из указанных в ст. 35 УК РФ формы соучастия охватываются ныне существующей редакцией статьи. Считаем возможным существование совершения преступления экстремистской направленности и группой лиц по предварительному сговору. При этом так же, как и в случае с организованной группой и преступным сообществом, возможно осуществление организаторской и подстрекательской деятельности. В силу этого можно предложить законодателю заменить в редакции ст. 282.1 УК РФ термин «сообщество» на термин «группа», т.е. «организация экстремистской группы».

В юридической литературе неоднократно встречались указания на то, что термин «группа» в смысле совершения преступления в соучастии является наиболее общим, содержащим основные признаки

соучастия. Разделение же на формы соучастия осуществляется введением дополнительных признаков на каждом новом уровне согласованности действий (см., например: [11, с. 15–16]). Необходимо отметить, что законодатель уже имеет опыт использования термина «преступная группа» как общего для обозначения всех форм соучастия. Например, в ч. 4 ст. 150 УК РФ указано на вовлечение несовершеннолетнего «в преступную группу». Комментируя данное положение этой статьи, всегда указывают на то, что вовлечение происходит в группу по предварительному сговору, организованную преступную группу или преступное сообщество [12, с. 157; 13, с. 227].

Все это позволяет нам предложить не только новое наименование ст. 282.1 УК РФ, но и с учетом повышения общественной опасности деяния в зависимости от формы соучастия провести дифференциацию ответственности внутри самой статьи. Так, в ч. 1 предусмотреть ответственность за создание и руководство преступной группой, отнеся это деяние к преступлениям средней тяжести. В ч. 2 указать в качестве квалифицирующего признака организованную группу и признать ее (часть) тяжким преступлением. И лишь в ч. 3 преступное сообщество (преступную организацию) экстремистской направленности рассматривать как особо тяжкое преступление.

В этом случае лицо, осуществляющее подготовку единичного экстремистского преступления группой, будет подлежать ответственности с момента подготовительных действий независимо от того, совершено ли фактически преступление или нет. То есть с учетом повышенной общественной опасности преступлений данной группы наказуемость подобных посягательств будет перенесена на стадию приготовления и действительно отразит повышенную общественную опасность этой группы деяний и взаимосвязь Общей и Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Библиографический список

1. Кашепов В. Квалификация преступлений экстремистской направленности // Уголовное право. – 2007. – №3.
2. Долгова А.И., Гуськов А.Я., Чуганов Е.Г. Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики. – М., 2010.
3. Скудин А.С. Правовая регламентация некоторых вопросов, связанных с экстремизмом // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы / под ред. проф. А.И. Долговой. – М., 2010.
4. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. №114-ФЗ с изм. от 27 июля 2006 г. (148-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №30. – Ст. 3031.
5. Коржанский Н.И. Квалификация хулиганства : учеб. пособие. – Волгоград, 1989.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / под ред. докт. филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. – 15-е изд., стереотип. – М., 1984.
7. Российское уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов. – СПб., 2008.
8. О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» : Федеральный закон №112-ФЗ от 25.07.2002 (в ред. 2.03.2007) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №30. – Ст. 3029.
9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса РФ и Уголовно-исполнительного кодекса РФ о наказании в виде ограни-

чения свободы : Федеральный закон от 27 декабря 2009 г. №377-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2008 г. №8 // Российская газета. – 2008. – 18 июня.

11. Галиакбаров Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. – Краснодар, 2000.

12. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. д-ра юр. наук, проф. Л.В. Иногамовой-Хегай, д-ра юр. наук, проф. А.И. Рарога, д-ра юрид. наук, проф. А.И. Чучаева. – М., 2004.

13. Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации : комментарий, судебная практика, статистика / под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. В.М. Лебедева; отв. ред. канд. юрид. наук, проф. А.В. Галахова. – М., 2009.